

К Н И Г И

Э.-Э. ШМИТТА

- Секта Эгоистов. Распутник
Евангелие от Пилата
Другая судьба
Как я был произведением искусства
Улисс из Багдада
Женщина в зеркале
Попугай с площади Ареццо
Эликсир любви
Яд любви
Оскар и Розовая Дама
Мсье Ибрагим и цветы Корана
Дети Ноя
Борец сумо, который никак
не мог потолстеть
Десять детей, которых никогда
не было у госпожи Минг
Одетта. Восемь историй о любви
Мечтательница из Остенде
Концерт «Памяти ангела»
Два господина из Брюсселя
Кики ван Бетховен
Театр
Ночь огня
Человек, который видел сквозь лица
Мечь через прощение
Миларепа
Феликс и Незримый источник
Мадам Пылинска и тайна Шопена
Дневник утраченной любви
Испытание Иерусалимом:
Путешествие на Святую землю
Соперница
- Цикл «Путь через века»**
Потерянный рай
Врата небесные
Темное солнце

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

СОПЕРНИЦА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
III 73

Éric-Emmanuel Schmitt
LA RIVALE
Copyright © Éditions Albin Michel — Paris 2023
Published by arrangement
with SAS Lester Literary Agency & Associates
Перевод с французского Галины Соловьевой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-25560-9

© Г. А. Соловьева, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Войдя в оперный театр, Энцо едва не упал в обморок.

Каждый раз с ним происходило одно и то же. Внутри взрывался шар, наполненный кислородом, раздувая изнутри, расширяя грудную клетку, заставляя ребра раздаться, вписывая их в овал зрительного зала, превращая Энцо в гигантское тело, которое заполняло собой все пространство от партера до люстры, захватывая бельэтаж, ярусы и галерку. В этой всеобъемлющей пустоте он во все не ощущал собственной малости — напротив, становился пропорционален залу; альвеолы его легких сплетались с многочисленными ложами и ярусами, кровь смешивалась с бархатным пурпуром кресел, блеск позолоты отзывался

эйфорией пробежавших по коже мурашек. Почувствовав себя всемогущим великаном, Энцо пошатнулся от нахлынувшего восторга.

Когда-то давно, в Римини, он шел по пляжу, цепляясь за руку деда, и тот вдруг наставительно произнес:

— Над сердцами итальянцев властны только церковь и опера. Одних волнуют витражи собора, других приводит в трепет оперный занавес.

— Дедушка, а ты что предпочитаешь?

— Оперу, мой мальчик, потому что она воплощает страсть, чувство, безмерность, пафос и неистовое безумие. А вот для твоей бабушки превыше всего церковь, молитва, горящая свеча, покаяние. — Дед со вздохом добавил: — Стоит выбрать одно, теряешь другое.

Несколько лет спустя, тоже благодаря деду, который его растил, Энцо открыл для себя оперу. С тех пор он дрожал, вопил и трепетал от восторга, непрерывно слушал и смотрел записи оперных спектаклей, перебирал старые, выцветшие театральные программки и ходил на выступления знаменитых певцов, изредка

СОПЕРНИЦА

заглядывавших в их приморский городок. Россини, Беллини, Верди и Пуччини стали для него богами, которым следовало поклоняться; эта новая религия вскоре полностью завладела им, постепенно отдаляя от бабушки с ее Библией и четками. В итоге он отложил в сторону подаренные четки и прибрал к рукам ее старинный театральный бинокль. Его друзья были поглощены футболом, но Энцо волновали только оперные арии. В двадцать лет он покинул Римини и перебрался в Милан, где стал водить группы туристов.

Тем нравился юный гид — худой, сутуловатый, со впалой грудью, взъерошенной шевелюрой и мягкими чертами тонкого бледного лица; лишь очки в черепаховой оправе придавали ему солидность.

Благодаря экскурсиям он мог часто бывать в оперном театре: днем, наскоро показав группе собор и картинную галерею, он знакомил туристов с «Ла Скала», а вечером вновь спешил туда на спектакль. За два года театр не утратил для него очарования: чем чаще он посещал этот храм музыки, тем острее становился

его слух, тем лучше он воспринимал любые голоса даже вне сцены, как в то утро, когда занавес был опущен, оркестровая яма пуста, а в тишине шелестели прозрачные тени.

— Для любого певца выступление в миланском «Ла Скала» — это посвящение, — заявил Энцо группе французских туристов.

— Это почему же?

Седовласый шестидесятилетний мужчина в очках с захватанными стеклами и бежевых шортах-бермудах с раннего утра засыпал гида вопросами.

Энцо прищурился, задетый за живое. Француз, понятное дело, возмущен тем, что миланская сцена считается более престижной, чем парижская. Но почему бы трехцветному петушку не подивиться тому, что итальянский язык с его четкими гласными и резкими согласными благоприятнее для вокала, чем французский, затененный гнусавыми «н» и «м» и омраченный проглоченным «р»? Юноша гордился тем, что живет на родине бельканто.

— Но почему именно в «Ла Скала»? — Дотошный турист скептически хмыкнул.

СОПЕРНИЦА

Что в этом театре такого, чего нет в других многоярусных сооружениях с их торжественной чопорностью, пунцовым колоритом, гигантской, продуваемой сквозняками сценой и неизбежной закулисной суетой?

— Главное преимущество «Ла Скала» — это его публика и его прошлое! — воскликнул Энцо. — Публика искусшенная, знающая, требовательная — некоторые сказали бы, пристрастная. А прошлое — потому что совершенство притягивает совершенство. Все великие певцы, все великие певицы мечтают только об одном: подняться на подмости «Ла Скала». Приглашение выступить здесь — это все равно что Нобелевская премия по оперному искусству! Эти стены видели Карузо, Джильи, Флагстад, Дель Монако, Шварцкопф, Паваротти, Сазерленд, Кабалье, Доминго... и прежде всего — много раз — божественную, недосягаемую Каллас!

В партере раздался странный звук, будто кто-то смачно плюнул.

Все обернулись. Но в зале никого не было, лишь где-то ближе к сцене сиде-

ла, уставившись на занавес, пожилая женщина. Должно быть, показалось, подумали туристы.

— Мария Каллас, — продолжал Энцо, — исполнила в «Ла Скала» главные партии в нескольких операх, в том числе Виолетту в «Травиате», и эта роль стала для нее судьбоносной.

— В каком году? — не унимался зануда.

Кажется, он пытается подловить меня, подумал Энцо, — душит вопросами, но не для того, чтобы получить информацию, просто хочет продемонстрировать мою несостоятельность.

— В тысяча девятьсот пятьдесят пятом, — ответил он. — В мае пятьдесят пятого года, под руководством дирижера Карло Марии Джулини¹. Оперу для

---

¹ *Карло Мария Джулини (1914–2005)* — итальянский оперный и симфонический дирижер, в послевоенные годы основал оркестр RAI в Милане. После того как его заметил великий Тосканини, а потом Виктор де Сабата, Джулини стал главным дирижером «Ла Скала», а после серии спектаклей «Травиаты» в постановке Лукино Висконти, где пела Мария Каллас, сорокалетний маэстро обрел мировую известность. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Марии Каллас ставил Лукино Висконти. Мир еще не видел более поразительного перевоплощения.

И вновь кто-то звучно плюнул.

Обернувшись, Энцо ряд за рядом оглядел партер. Похоже, кроме старушки, в зале никого не было. Разве что кто-то спрятался между рядами кресел, вжавшись в пол... Энцо махнул рукой, положившись на охрану, и продолжил:

— Говорят, что в третьем акте, во время арии «Addio del passato», там, где сопрано обычно стремятся взять финальную верхнюю ноту ласкающим слух прелестным тембром, Мария Каллас, напротив, рискнула сделать звук резким, ведь для нее это был крик страдания, рыдание умирающей от туберкулеза женщины.

— У нее не было выбора! Если бы она попыталась взять верхнюю ноту красивым звуком, все бы тотчас поняли, какой у нее ужасный голос.

Сомнений не осталось: реплика донеслась из партера. Внезапное грубое замечание неприятно поразило собравшихся. Прервав рассказ, Энцо недоуменно

оглядел зрительный зал, неподвижную женщину с бледным восковым лицом, затем снова обежал глазами зал. После чего продолжил, уже не так уверенно:

— Дамы и господа, излишне уточнять, что в то время широкая публика вряд ли была готова принять столь новаторское решение или столь высокие художественные стандарты. С сожалением должен вам напомнить, что Марию Каллас здесь и освистывали, и превозносили.

— Это правда! — рявкнула старуха, облаченная в пальто из искусственного меха под леопарда.

Нос надменно вздернут, на щеках красные пятна, пугающе черные глаза тревожно расширены. Ее трясло. Гнев придавал ей неожиданную для ее возраста энергию.

— В Каллас здесь швыряли пучки редиски. Бабах. Прямо на авансцену! Пакеты с репой! Бабах! Они отскакивали от рампы. Здесь, в Милане, зеленчики благодаря Каллас просто озолотились. Зрители закидывали сцену овощами, так что вполне хватило бы на кастрюлю ми-

нестроне. В конце концов, не все же тугоухие!

Посягательство на одну из его святынь вывело Энцо из ступора.

— Каллас совершила революцию в опере, и именно это оскорбляло традиционалистов! — выкрикнул он. — Сегодня, оглядываясь назад, мы можем точнее оценить ее вклад. Теперь величие этой певицы куда очевиднее, чем при ее жизни.

К сожалению, стоило Энцо повысить голос, как тот начал ему изменять: предательски не слушался и срывался, превращаясь в придушенный и вместе с тем пронзительный поросячий визг. Осознав позорную осечку противника, старая дама, облизнув губы, выдала заключение:

— Разве может судить о вокальном искусстве человек, который не владеет ни собственным голосом, ни дикцией!

Она грозно наставила на туристов указательный палец; видно было, что бархат перчатки совсем протерся.

— Оставьте нас с Каллас в покое! За свою жизнь я встречала по меньшей ме-

ре сотню певиц с куда более яркими вокальными данными, чем у нее! Конечно, у Каллас был сильный голос, иначе ни один режиссер не выпустил бы эту гречанку на сцену, но при этом громкий, как пожарная сирена или мотоцикл без глушителя! Именно так, тут ни убавить ни прибавить. Этот тембр отдавал перекопченной, обугленной ветчиной, напшигованной пряностями. А ведь звучание сопрано должно быть молочно-медовым, лучистым.

— Как вы смеее критиковать Каллас!

— Юноша, я ее слышала. Мы с ней ровесницы, мы одновременно выступали на одних и тех же сценах. И уж я-то знаю, о чем говорю.

— Но кто вы, синьора?

— Я соперница Марии Каллас.

В зале воцарилась тишина. Туристы затаили дыхание. Властный, надменный, не терпящий возражений тон старой дамы ошеломил их. Казалось, они готовы полностью согласиться с ее доводами, ведь, несмотря на возраст, она излучала столь зажигательный пыл. Старуха вновь приняла величественную по-

СОПЕРНИЦА

зу, — казалось, она расправила складки пышного платья с кринолином, хотя на ней было всего-навсего тесное потертое пальтецо; она возобновила безмолвный диалог с занавесом, своим олимпийским безразличием давая понять, что разговор окончен и она желает, чтобы ее оставили в покое.

— Что ж, пора обедать, — объявил Энцо, обращаясь к группе.

Туристы неохотно подчинились и потянулись к выходу из зала. Шестидесятилетний тип, задававший тысячу вопросов, подбежал к Энцо:

— А кто эта дама?

— Насколько мне известно, соперницей Марии Каллас была Тебальди¹.

---

¹ *Рената Тебальди* (1922–2004) — итальянская оперная певица, обладавшая лирико-драматическим сопрано редкой красоты и силы. Поклонники Тебальди считали, что ее тембр роскошнее, чем у Каллас, голос больше по объему и куда сильнее. Дискуссии в прессе лишь подогревали интерес к соперничеству. Известно, что 16 сентября 1968 года Каллас пришла за кулисы Метрополитен-оперы, чтобы поздравить Тебальди с удачным выступлением. Последние концерты Тебальди дала в 1976-м. Газеты, где сообщалось о ее кончине, пестрели заголовками: «Умерла соперница Марии Каллас».

— А... да, Рената Тебальди, понимаю... Так мы, значит, разговаривали с самой Ренатой Тебальди?!

— Рената Тебальди скончалась много лет назад.

— Так кто же эта женщина?

— Синьор, я понятия не имею.

Энцо избегал взгляда шестидесятилетнего француза в бермудах и сандалиях, понимая, что тот разочарован и в то же время страшно доволен тем, что ему наконец удалось поставить гида в неловкое положение, чего он и добивался с самого утра.

Вместо того чтобы согласно плану экскурсии сопровождать группу в трактирию, Энцо ускользнул, пообещав подойти позже. Как только туристы покинули театр, он поспешил вернуться в зал. Старуха не сдвинулась с места, она сидела в центре партера в седьмом ряду — идеальное место для обзора, что явно свидетельствовало о принадлежности к касте знатоков.

Он подошел к ней с почтительной неспешностью. Ее волчьи глаза заметили

СОПЕРНИЦА

молодого человека и удерживали его в поле зрения.

Он поклонился:

— Простите, я тогда не узнал вас.

Старуха поджала губы, тяжелые сухие веки дрогнули. Он искренне взмолился:

— Я не хотел вас обидеть.

Смирненное раскаяние Энцо, оробевшего и в то же время преисполненного почтения, заставило старую даму разжать челюсти. Она была при полном макияже — поистине боевой раскрас: иссиня-черные волосы, землисто-коричневые изогнутые брови, розовато-бежевый тональный крем, кармин на губах, лазурь на морщинистых веках. Все это производило дерзкое и вместе с тем отталкивающее впечатление, своего рода невероятный вызов, который, отрицая дряхлость, одновременно ее подчеркивал. Свет, падавший на яркий грим, выявлял морщины, складки истончившейся кожи, на которой местами, как пыль, скапливались крупинцы пудры.

Энцо, склонившись к ней, готовился услышать потрясающее откровение.

— Кто вы? — вновь спросил он.

Она вздернула подбородок.

— Не уверена, что вы достойны это узнать. — Она отвернулась. — Учитывая ваши вкусы...

Энцо принялся оправдываться:

— Но, синьора, мне нравится не только Мария Каллас, мне нравятся многие певицы.

Она осторожно покосилась на юношу, чтобы убедиться, что тот не лжет. Стремясь узнать хоть что-нибудь о ней самой, он продолжал настаивать; у него так разыгралось любопытство, что он решился временно предать своего кумира.

— Уверяю вас: я никогда не считал, что на свете существует лишь одна Каллас или что история оперы начинается с нее и ею заканчивается.

— Разумеется, нет!

— Я обожаю оперу. Позвольте мне узнать о вас, раз уж мне выпала честь познакомиться с вами.

Острый взгляд старухи сфокусировался на полудетском лице, потом на тще-

СОПЕРНИЦА

душном теле юноши, дрогнул, затуманился и устремился к оркестровой яме.

— Все это было так давно, — смягчившись, пробормотала она, явно расстроганная. — *Un bel dì, vedremo...*¹ — спотыкаясь, выдавила она. Пожелтевшую роговицу увлажнила слеза, застряв в складке багрового века. — *Un bel dì, vedremo...* Эту арию я пела здесь. Мне было двадцать два года, я разучивала партию мадам Баттерфляй, и мне во второй раз предстояло выйти на сцену «Ла Скала».

Она напела:

Un bel dì, vedremo
Levarsi un fil di fumo
Sull'estremo confin del mare.
E poi la nave appare².

Закруглив фразу, она улыбнулась воспоминаниям. Что касается Энцо, он был в восторге оттого, что у этого древнего

---

¹ Знаменитая ария Чио-Чио-Сан из оперы Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй» (1904).

² В ясный день желанный
пройдет и наше горе.
Мы увидим в дали туманной
дымок вот там, на море (*ит.*).

Шмитт Э.-Э.

Ш 73 Соперница : роман / Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 160 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-25560-9

«Каллас? Это ненадолго! Вот увидите: скоро о ней уже никто не вспомнит...»

Так утверждает некая Карлотта Берлуми — склочная женщина, у которой к Марии Каллас давние счеты: она уверяет, что некогда и сама блистала на оперной сцене и была самой главной соперницей Каллас. Да, Карлотта вела себя как капризная примадонна, не хотела учиться, не хотела меняться, не хотела оттачивать мастерство, и со временем ее совершенно позабыли даже самые просвещенные поклонники оперы. Но в этом, конечно, тоже виновата Каллас...

Эрик-Эмманюэль Шмитт — популярный во всем мире писатель, драматург, режиссер и кинематографист, член Гонкуровской академии и лауреат престижных премий. Его книги переведены на несколько десятков языков, а во Франции выходят ежегодным суммарным тиражом полмиллиона экземпляров, его пьесы играют на сцене в полсотне стран. Его роман «Оскар и Розовая Дама» изменил жизнь множества читателей — наряду с Библией, «Маленьким принцем» и «Тремя мушкетерами». Но первой любовью Шмитта всегда оставалась музыка — в юности он мечтал стать композитором, — и теперь он, меломан, эрудит, проникательный знаток человеческих душ, рассказывает историю Марии Каллас, чье столетие со дня рождения мир отметил в 2023 году.

Каллас — величайшая оперная звезда, всю свою жизнь посвятившая искусству, которое в итоге ее и погубило. Каллас — легенда, ставшая мифом (в 2024 году аудитория крупнейших мировых кинофестивалей рукоплескала «Марии», байопику, поставленному Пабло Ларраином с Анджелиной Джоли в заглавной роли). Однако «Соперница» — совсем другая история: миф наизнанку, взгляд из зазеркалья, антипортрет глазами женщины, которая Марию Каллас ненавидит, и эту историю о ней, о мире оперы, об интригах и жестокости, скрытых за внешним блеском, Шмитт рассказывает, как умеет только он: обманчиво легко, бесконечно глубоко и не без лукавства.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ЭРИК-ЭММАНЮЭЛЬ ШМИТТ

СОПЕРНИЦА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Марианна Тайманова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Лариса Ершова, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.10.2024.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 7,05. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABA-34550-01-R